

Учителя Линьсюань звали Чунсю. Он занимал пост главы Пика Целебных Трав в секте Тяньи и приходился младшим братом главе секты, а значит — родным дядей Бай Цинюню и Е Цинхэ. С тех пор как глава погрузился в уединённую медитацию, Чунсю взял на себя его обязанности и вместе с остальными владыками пиков управлял делами обители.

Когда троица поднялась на Пик Целебных Трав, даос отдыхал в тихом дворике за чашкой чая. Легкий ветерок шевелил кроны, усыпая воздух нежными лепестками сливы. Белооблачный даос небрежно взмахнул мухосметкой — и падающие цветы послушно опустились ему на грудь.

— Наконец-то пришли, — проговорил он.

Его запястье едва заметно дрогнуло, и лепестки вспять взмыли к ветвям, возвращаясь на свои места.

Бай Цинюнь склонился в почтённом поклоне:

— Зачем дядя призвал меня?

Чунсю в народе прозвали Даосским Мастером Цветущей Сливы. Шептались, будто где бы он ни появлялся, за ним неизменно тянулся шлейф из сливовых лепестков — эдакий ходячий источник цветочного листопада.

— Да ничего особенного, — зевая, отозвался Чунсю. — Хочу, чтобы ты прогулялся к подножию горы. В город забрела заклинательница-демон, торгует благовониями. Мы все — идущие по Пути, и нам надлежит помогать друг другу. Вот секта и решила отправить кого-нибудь проводить её — не требуется ли какая помощь.

Чунсю сделал глоток чая и многозначительно добавил:

— Сами понимаете, в наши дни племя демонов проявляет нездоровый интерес к границам, а тут демоническая заклинательница является прямо к нам под бок. Случай... поистине редкий.

За последние годы силы демонического клана значительно возросли. На границах между землями людей и демонов всё чаще вспыхивали стычки, в воздухе снова пахло войной. И надо же было демонице заявиться аккуратно к подножию горы Тяньи. Неужели в мире бессмертных и впрямь грядут великие перемены?

Бай Цинюнь прекрасно понимал, о ком речь. Эта женщина была далеко не простой заклинательницей — её звали Ялин, и в мире знали её как искусную парфюмершу.

Родная сестра самого Повелителя Демонов, она страстно увлекалась составлением ароматов. Вот только её снадобья отличались от обычных: одно могло лишить жизни за сотню ли, другое — лишить разума. Словом, снадобья на любой вкус и случай.

Ялин верила, что истинное вдохновение рождается в гуще жизни, а потому, достигнув зрелости, отправилась странствовать.

Впрочем, всё это было лишь предысторией. Самое главное заключалось в том, что именно во время этого спуска с горы главный герой пробудит в себе древнюю кровь Темного Феникса и память прошлых воплощений. С этого момента начнется его легендарный путь, а сюжет наконец войдет в основную фазу.

— Значит, спускаемся с горы? Возьмите меня с собой! Я уже сто лет нигде не была! — воскликнула Линьсюань.

Чунсю закатил глаза:

— Глупости! Это серьезное поручение, а не прогулка! Посмотри на Е Цинхэ — он твоего возраста, а разве рвется вниз?

— Ой, учитель, вы слишком осторожничаете! Мы же подписали мирный договор с демонами полвека назад. К тому же она — женщина, мне будет куда проще с ней заговорить. И вообще, кто сказал, что Е Цинхэ не хочет?

Линьсюань надула губы и, улыбнувшись юноше, спросила:

— Цинхэ, ты ведь тоже хочешь спуститься на землю, посмотреть мир?

Однако Е Цинхэ вовсе этого не желал. В отличие от Линьсюань, выросшей на вершинах среди облаков, он пришел снизу, и мирские улицы его ничуть не влекли. Культивация интересовала его куда больше.

Вот только если он ответит «нет», старший брат отправится в путь наедине с Линьсюань. А это значит — три-пять дней бок о бок, с утра до ночи...

Мужчина и женщина, вдвоем, несколько дней подряд...

Слова, готовые сорваться с языка, мгновенно изменились. Е Цинхэ смиренно опустил взор:

— Говорят, пути самосовершенствования демонов отличаются от наших. Мне тоже любопытно взглянуть.

Линьсюань торжествующе показала учителю язык: «Видите? Цинхэ тоже хочет!»

В итоге спутников стало трое. Чунсю души не чаял в своей единственной ученице, и стоит той

немного капризно скривить губки — как он готов согласиться на что угодно. А уж когда за неё заступился Бай Цинюнь, решение и вовсе стало очевидным.

Даос хлопнул ладонью по столу, заявляя, что откладывать нечего: раз уж собрались, пусть отправляются прямо сегодня. Не успели они шагнуть к выходу, как взгляд Чунсю упал на пустой пояс Е Цинхэ. Переведя взор на духовные мечи, покоящиеся на поясах Бай Цинюня и Линьсюань, старший нахмурился.

Секта Тяньи покоилась в неприступных кручах, где не было пеших троп — покинуть обитель можно было лишь с помощью полета на мече.

А Е Цинхэ переступил порог совсем недавно. Откуда у него взяться духовному клинку?

Линьсюань повела плечом и хитро улыбнулась:

— Ничего страшного, я могу взять младшего брата на свой меч.

В её голове уже сложился идеальный план: полет на одном клинке оборачивается невольным сближением. Стоит показать ему свое безупречное мастерство управления мечом, и юноша на всю жизнь запомнит этот день.

— Мужчинам и женщинам не подобает касаться друг друга, — Е Цинхэ отвернулся, посмотрев на Бай Цинюня. — Старший брат может взять меня.

Улыбка на лице Линьсюань застыла:

—... Мы, заклинатели, не придаем значения таким условностям! К тому же я твоя старшая сестра!

Е Цинхэ слегка покачал головой, безучастно проговорив:

— Но старший брат — мой старший брат.

«Разве это одно и то же?! Он же не я!» Понимая, что задумка рушится на глазах, Линьсюань не намерена была сдаваться. Она прикусила губу и с нарочитым огорчением спросила:

— Младший брат, ты ведь не скажешь, что просто терпишь меня из вежливости, а сам тихо ненавидишь?

Она намеренно загнала его в угол: Е Цинхэ всегда славился кротким и учтивым нравом, он бы никогда не стал обижать человека в лицо.

Юноша действительно умолк. Линьсюань уже праздновала победу, как вдруг Е Цинхэ ровным голосом произнес:

— Вовсе нет. Просто... я слишком смущаюсь.

— Что?!

Е Цинхэ посмотрел на неё с предельно серьезным видом:

— Такой уж у меня недуг. Стоит мне смутиться — и я сразу падаю без чувств. Могу пролежать без сознания день, а то и все три.

Неужели в поднебесной бывают столь странные болезни?!

Линьсюань не верила ни единому слову, однако юноша держался настолько невозмутимо, что усомниться в его искренности казалось невозможным. Даже будучи лекарем, девушка не могла мгновенно распознать обман.

Ей оставалось лишь удрученно вздохнуть и смириться. Вдруг, взлетев со своим мечом, она уронит его на полпути, едва тот упадет в обморок?

Но стоит ей опустить голову, как она видит: Е Цинхэ легким, непринужденным шагом подходит к Бай Цинюню и абсолютно естественно берет пальцами за его поясный шарф. Тот самый младший брат, который только что заявлял о своей дикой застенчивости!

У Линьсюань закралось смутное подозрение, что юноша просто выдумал нелепый предлог, чтобы не лететь с ней, а на самом деле страстно жаждал разделить один меч со старшим братом...

— Ты точно хочешь со мной? — усомнился Бай Цинюнь. — Линьсюань управляет мечом весьма уверенно.

— Уверен, — тихо отозвался Е Цинхэ, встречая его взгляд. — Так мне привычнее.

Бай Цинюнь окинул его подозрительным взглядом, но возражать не стал. Настоящий старший брат никогда не откажет младшему.

Когда-то у подножия горы Тяньи простирались лишь дикие пустоши. Позже основатель обители заложил здесь клан и начал принимать учеников. Ищущие Путь со всех концов земли

стали стекаться к этому месту, и с годами среди гор вырос величественный Город Тяньи.

Здесь бок о бок жили заклинатели низших рангов и простые смертные, а многие внешние управляющие секты даже обзаводились тут недвижимостью и открывали лавки.

Раз город обязан своим процветанием секте Тяньи, в нем, разумеется, имелись приюты, предназначенные специально для отдыха ее учеников. Старейшина внешнего круга, отвечавший за эти дела, давно получил весть от Чунсю. Он встретил троицу со всей пышностью, устроил пир в их честь и выделил три лучших подворья.

Бай Цинюнь, сохраняя безупречную холодность, вежливо отклонил намеки льстивого старейшины на городские развлечения. Своей привычной непроницаемой маской он разом отвалил всех желающих подслужиться.

«Зачем ты мне подмигиваешь? Зачем через слово намекаешь на городских красавиц? Думаешь, я не понимаю, к чему ты клонишь?»

Компания прелестных дев звучала заманчиво, однако Бай Цинюнь твердо верил, что чувства должны развиваться постепенно: от знакомства и бесед — к робкому касанию рук и поцелуям. Наигрывать страсть напоказ он категорически отказывался.

— Я отправлюсь передать визитную карточку. Выбирайте любые покои, мне оставьте оставшиеся. Если захотите прогуляться — идите, но вернитесь до захода солнца.

Город Тяньи, по сути, был задним двором их секты: выйдешь на улицу — из пяти прохожих один точно окажется учеником Тяньи. За безопасность Линьсюань он не переживал, тем более рядом находился Е Цинхэ — а с главным героем разве может произойти беда?

И все же он не мог удержаться от наставлений. Бай Цинюнь повторил правила несколько раз. Линьсюань послушно кивала, хотя на её лице было четко написано желание немедленно броситься во все тяжкие. Е Цинхэ оказался куда более сговорчивым: хоть и не кивал, но внимательно слушал всю эту воркотню, что немного утешило Бай Цинюня.

— Старший брат такой зануда! Мы же не трехлетние младенцы, к чему повторять одно и то же по десять раз?

Стоило Бай Цинюню скрыться за воротами, как Линьсюань тут же сбросила маску смирной ученицы. В силу возраста она обожала веселье, а эти наставления казались ей унылым бубнежом, давно набившим оскомину.

— Цинхэ, куда сначала рванем: в лавки на западной улице или на восточный базар? — вспомнила она о пышных городских ярмарках, и сердце её затрепетало.

Но, повернув голову, она увидела, что младший брат застыл у ворот, неотрывно глядя вслед ушедшему Бай Цинюню.

— Цинхэ, ты куда уставился?

— Никуда, — Е Цинхэ повернулся. — Я не люблю шумные места, так что не смогу составить тебе компанию.

Не давая Линьсюань вставить и слова, он направился к среднему подворью, выбирая его для отдыха.

Бай Цинюнь впервые спустился с горы и совсем не знал Города Тяньи. По-хорошему, ему следовало расспросить кого-нибудь о жилище демоницы, но он, исполненный слепой уверенности, сразу направился к самой богатой и оживленной части города.

Ялин принадлежала к знатному демоническому роду и страстно любила роскошь. Чтобы подчеркнуть её баснословное богатство, автор романа специально описал, как она щедро осыпала золотом жителей лучшего квартала Города Тяньи, заставив их съехать, а затем снесла все перегородки между домами и воздвигла огромную, помпезную усадьбу. Наглядный пример того, что значит быть «настоящим богачом».

Так что с поисками проблем не возникло — ей принадлежала целая улица. Единственной сложностью оказались поиски главного входа: Бай Цинюню пришлось обойти владение кругом, прежде чем он наткнулся на парадные ворота.

Постучав в неправдоподобно высокие двери, Бай Цинюнь протянул слуге официальное послание от секты. Слуга принял карточку, но остался стоять на месте. Едва приоткрыв щелку в тяжелой створке, он глухо проговорил:

— Госпожа в последние дни усердно трудилась над созданием новых ароматов и слегла с недугом, а потому не может принимать гостей. Ей известно о прибытии бессмертного господина, и она просила передать, что завтра снимет весь Терем Гостеприимства, дабы лично устроить пир для троих и принести свои извинения.

— Для троих? — Бай Цинюнь прищурился. — Откуда госпоже известно, что мы спустились втроем?

Слуга сощурился в ответ, избегая прямого ответа:

— Слугам не положено лезть в дела господ. Мне лишь приказали передать слова. Или почтенный заклинатель считает, что в моих словах есть ошибка?

— Нет, ошибки нет, — Бай Цинюнь окинул взглядом величественные врата и слегка усмехнулся: — Вот только... действительно ли твоя госпожа нездорова?

Слуга хихикнул:

— Конечно. Если у господина заклинателя больше нет вопросов, прошу прощения.

«Нездорова, как же!» — мысленно усмехнулся Бай Цинюнь. Когда он шёл сюда, прохожие то и дело болтали, как совсем недавно видели эту девицу, беспечно прогуливающуюся по улицам. И вдруг не прошло и получаса — как она слегла с тяжёлым недугом?

Очевидно же: она просто решила утереть нос секте Тяньи.

<http://bllate.org/book/20397/2111768>